

**Конвенция о ликвидации
всех форм дискриминации
в отношении женщин**

Distr.: General
25 April 2018
Russian
Original: English

**Комитет по ликвидации дискриминации
в отношении женщин**

**Мнения в отношении сообщения № 103/2016, принятые
Комитетом в соответствии со пунктом 3 статьи 7
Факультативного протокола^{*,**}**

<i>Сообщение представлено:</i>	Й. И. (интересы которой представляет адвокат Сюзан Хиндстрем)
<i>Предполагаемые жертвы:</i>	автор и ее несовершеннолетний сын Е. А.
<i>Государство-участник:</i>	Финляндия
<i>Дата сообщения:</i>	2 мая 2016 года (первоначальное представление)
<i>Справочная документация:</i>	направлена государству-участнику 26 мая 2016 года (в виде документа не издавалась)
<i>Дата принятия мнений:</i>	5 марта 2018 года

* Принято Комитетом на его шестьдесят девятой сессии (19 февраля — 9 марта 2018 года).

** В рассмотрении настоящего сообщения принимали участие следующие члены Комитета: Глэдис Акоста Варгас, Николь Амелин, Магалис Ароча Домингес, Айше Фериде Ачар, Гуннар Бергбю, Марион Бетель, Аиша Валь Верж, Наела Габр, Хилари Гбедема, Рут Гальперин-Каддари, Исмаг Джахан, Даля Лейнарте, Росарио Манало, Лия Надарая, Аруна Деви Нарайн, Бандана Рана, Вэньян Сун, Нахла Хайдар, Лилиан Хофмайстер, Луиза Шалал и Патриция Шульц.

1.1 Автором сообщения является Й. И., гражданка Финляндии 1972 года рождения. Она представляет сообщение от своего имени и от имени своего сына Е. А., также гражданина Финляндии, 2011 года рождения. Конвенция и Факультативный протокол к ней вступили в силу для Финляндии в 1986 и 2000 годах соответственно. Интересы автора сообщения представляет адвокат Сюзан Хиндстрем.

1.2 Это сообщение сопровождалось ходатайством о принятии временных мер для обеспечения безопасности ребенка автора, живущего с отцом. 26 мая 2016 года Комитет ходатайствовал перед государством-участником о принятии временных мер для обеспечения безотлагательного и тщательного расследования утверждений автора о применении насилия в отношении Е. А. и о принятии всех необходимых мер для недопущения нанесения непоправимого вреда здоровью и благополучию ребенка. 17 января и 30 мая 2017 года это ходатайство было направлено государству-участнику повторно. Однако временные меры приняты не были.

Факты в изложении автора сообщения

2.1 Отношения между автором и Й. А. возникли в конце 2010 года. Вскоре после этого Й. А. начал совершать насильственные действия в отношении автора сообщения. Это насилие проявлялось в следующих формах: автора пытались задушить, ей разбивали нос до крови, ее таскали за волосы, с силой толкали о дверь и швыряли по всей квартире, а также унижали. Впоследствии она забеременела. Й. А. пытался принудить ее прервать беременность, но она отказалась. В период беременности, в 2011 году, ее толкали, били по щекам, ее подвергали оскорблениям и унижениям, также ей угрожали. Отношения с Й. А. автор не разрывала, так как хотела, чтобы в жизни ее ребенка присутствовал отец. Их сын Е. А. родился 14 августа 2011 года.

2.2 После рождения ребенка насилие усугубилось. Автор не сообщала об этом органам власти, так как Й. А. угрожал убить ее, если она расскажет о происходящем кому бы то ни было. 22 декабря 2011 года Й. А. напал на автора в их доме, ударив ее в лицо, в результате чего у нее остался синяк вокруг глаза и рана на щеке. На следующий день она обратилась к врачу. Щека болела у нее в течение одной-двух недель, а шрам длиной 1 сантиметр, оставшийся около глаза, замечен до сих пор.

2.3 В рабочем плане, составленном органами опеки и попечительства по факту нападения 18 января 2012 года, говорится, что в конце 2011 года между родителями ребенка произошла ссора с рукоприкладством. Й. А. заявил, что нервничает, когда автор сообщения подходит к нему слишком близко и кричит на него; он также признался в том, что ударил ее. Автор сообщила властям, что Й. А. ударил ее в бок, а в ходе другой ссоры — в лицо. Один сторонний наблюдатель отметил, что отношения между родителями в этой семье были враждебными, и выразил обеспокоенность в связи с ситуацией, в которой оказалась автор сообщения.

2.4 В период с 15 по 29 февраля 2012 года Й. А. нанес автору удар под ребра с левой стороны. Она услышала хруст и сразу почувствовала сильную боль в левом боку. Эта боль не проходила в течение месяца, в результате чего автор сообщения не могла поднимать ребенка, а ее движения были затруднены. В том же месяце Й. А. напал на нее еще раз.

2.5 22 февраля 2012 года органы власти города Турку приняли решение выделить средства для посещения Й. А. занятий в группе для мужчин, склонных к насилию. Он не стал посещать их. В марте 2012 года Й. А. предпринял попытку поместить автора в психиатрическую клинику против ее желания. Согласно записи, внесенной в медицинскую карту автора 19 марта 2012 года, врач, проводивший прием, пришел к выводу о том, что она не является психически больной, что ранее она не страдала от психических заболеваний и не представляет опасности ни для себя, ни для кого-либо, а следовательно, оснований для ее госпитализации не имеется.

2.6 В ночь на 15 апреля 2012 года Й. А. напал на автора, ударив ее буровым наконечником длиной 30 сантиметров и нанеся ей в результате рану на затылке. Автор испугалась и уехала на своей машине; остановившись через 1,5 километра, она вызвала скорую помощь. Автомобиль скорой помощи отвез ее в больницу, где на ее рану были наложены швы. В результате 16 апреля 2012 года Й. А. был задержан полицией, а их восьмимесячный ребенок был передан органам опеки и попечительства, поскольку его мать по-прежнему находилась в больнице. Ребенок оставался под опекой этих органов до 15 мая 2012 года, несмотря на то что автор была выписана из больницы 17 апреля. Департамент семьи и социального обслуживания города Турку принял такое решение на том основании, что «способность родителей обеспечить ребенку безопасность и соответствующий его возрасту уход при наличии постоянных разногласий между ними» вызывает сомнения. Согласно отчету органов опеки и попечительства, составленному фельдшером 16 апреля 2012 года, «мать была доставлена машиной скорой помощи в отделение экстренной помощи, поскольку отец ребенка ударил ее по голове железной трубой». Позднее в показаниях, данных 14 октября 2013 года в окружном суде Варсинайс-Суоми в ходе слушаний дела об опеке, Й. А. признался, что в тот день ударил автора сообщения буровым наконечником.

2.7 16 октября 2012 года, выполняя рекомендации социального работника, ввиду непрекращающегося насилия и разногласий в семье, автор вместе с ребенком ушла из дома и переехала в приют для женщин в Турку. Ссоры продолжились, и 7 ноября 2012 года ребенок был помещен в приют. В результате автор была сильно расстроена, поскольку восприняла ситуацию таким образом, что вместо того, чтобы помочь ей и ребенку, приют и органы опеки и попечительства вновь разлучили их, как они уже поступили и прежде, 16 апреля 2012 года, когда она была доставлена в больницу для оказания неотложной медицинской помощи из-за агрессивного поведения Й. А.

2.8 В начале декабря 2012 года автор окончательно рассталась с Й. А. и переехала в Меллиля, чтобы защитить себя и своего ребенка от любого возможного насилия. Согласно решению от 5 декабря 2012 года Е. А. было предписано вернуться жить к ее матери, а Й. А. было предоставлено право общения. В соответствии с этим решением социальный работник обратилась в отделение острых психических расстройств с ходатайством о проведении оценки состояния автора, при этом подобная оценка в отношении Й. А. не проводилась. По информации, содержащейся в полученном медицинском заключении, автор была готова обсудить свое положение. При этом никаких сомнений в ее психическом здоровье ни разу не возникло, равно как и подозрений, что ее состояние может отрицательно сказаться на ребенке. Далее в заключении говорится, что оба родителя способны обеспечивать уход за ребенком. Поскольку до помещения ребенка в приют за ним ухаживала преимущественно автор сообщения, находившаяся в то время в отпуске по уходу за ребенком, то ее сын был возвращен ей на попечение. В оценке, выполненной социальным работником, не были упомянуты постоянные проявления насилия со стороны отца по отношению к автору

в присутствии ребенка, равно как не был поднят вопрос о психической стабильности отца, хотя имелись веские основания признать его лицом, склонным к насилию и представляющим опасность для автора и их ребенка.

2.9 В конце 2012 года Й. А. подал ходатайство о единоличной опеке над сыном. 28 января 2013 года на основании соглашения между родителями окружной суд Варсинанс-Суоми вынес временное постановление, согласно которому ребенок оставался жить с матерью, а его отец получал право на общение с ним в выходные дни дважды в месяц.

2.10 14 мая 2012 года обе стороны запросили от социальной службы отчет, поскольку право отца на общение с ребенком не реализовывалось в полной мере. Этот отчет был получен окружным судом Варсинанс-Суоми 11 сентября 2013 года и направлен сторонам. 14 октября 2013 года окружной суд предоставил отцу право единоличной опеки над ребенком. Обосновывая данное решение, суд лишь коротко упомянул о проявлениях насилия, имевших место между родителями, но при этом уделил основное внимание враждебному отношению автора к Й. А. и тому, как это может отразиться на ребенке в будущем. По вопросу о насилии суд заявил, что обе стороны обвиняли друг друга и признавались в проявлении насилия, однако не было оснований предполагать, что в отношении Е. А. может быть проявлено насилие, хотя он присутствовал при случаях применения насилия, а после того, как родители стали жить отдельно, не было зафиксировано никаких насильственных действий. В решении суда упоминается документальное подтверждение отсутствия у автора каких бы то ни было психических заболеваний, однако признается, что ее поведение указывает на психическую нестабильность, и это подтверждается свидетельскими показаниями.

2.11 16 октября 2013 года прокурор вынес обвинительное заключение в отношении Й. А., касающееся трех отдельных предполагаемых нападений с применением насилия в отношении автора в 2011 и 2012 годах. 30 октября 2013 года два социальных работника, два судебных пристава и два сотрудника полиции забрали ребенка из дома автора в Меллиля. Это было сильным потрясением для автора и для ребенка.

2.12 19 февраля 2014 года суд Варсинанс-Суоми вынес обвинительный приговор Й. А. по факту насильственного нападения на автора сообщения, совершенного 22 декабря 2011 года в Турку и выразившегося в нанесении удара в лицо, в результате чего у автора образовался синяк вокруг глаза и появилась рана на щеке¹. Й. А. был приговорен к уплате штрафа в размере 240 евро и к выплате автору компенсации в размере 200 евро за причиненную боль и 800 евро за ущерб внешности. Й. А. до сих пор не выплатил автору 1000 евро. Окружной суд отклонил обвинения, связанные с нападениями на автора, предположительно совершенные в период с 15 по 29 февраля, а также 15–16 апреля 2012 года. По этим случаям суд вынес решение о невозможности сделать какие бы то ни было выводы в отношении случившегося, учитывая расхождение между показаниями Й. А. и автора, а также записями в медицинской карте автора, представленной прокурором в суде. 14 октября 2013 года в ходе слушаний об опеке Й. А. признался в том, что 15 апреля 2012 года ударил автора буровым наконечником, но в процессе уголовного разбирательства он отказался от этих показаний. Исходя из этого, по мнению автора, Й. А. следовало признать виновным в совершении данного преступления.

¹ Дело номер R13/4430.

2.13 11 июня 2014 года Апелляционный суд Турку оставил в силе решение окружного суда Варсинайс-Суоми о назначении Й. А. единоличным опекуном Е. А. В апелляции был поднят вопрос о склонности Й. А. к насилию и о его общей непригодности к обеспечению ухода за Е. А. Суд постановил оставить решение суда низшей инстанции без изменений. 10 ноября 2014 года Верховный суд отказал автору в разрешении на подачу апелляции. Никакого обоснования дано не было.

2.14 В то время, пока Е. А. жил с Й. А., он неоднократно рассказывал автору о том, что отец бьет и трясет его. Кроме того, он постоянно просит у нее разрешения снова жить с нею. Вместе с органами опеки и попечительства она подала в полицию заявления о совершении уголовных преступлений, а именно о предполагаемых нападениях Й. А. на Е. А., совершенных в 2015 и 2016 годах, но расследование по этим заявлениям идет медленно и неэффективно. С учетом того, что Й. А. уже был осужден за насилие в отношении автора и склонен к насилию, ситуация, в которой оказался ребенок, представляется нетерпимой, а его безопасность и благополучие находятся под серьезной угрозой. Кроме того, ребенок не ходит в детский сад, где имелась бы возможность проследить за его благополучием.

2.15 В июле 2015 года во время посещения ребенка автор сообщения подверглась нападению со стороны Й. А. Она сообщила об этом нападении в полицию, но ей ответили, что никаких мер принимать не будут. В результате она отказалась от обвинений. В связи с этим автор утверждает, что органы власти не могут обеспечить ей эффективную защиту от дальнейших проявлений насилия.

Жалоба

3.1 По утверждению автора, непринятие государством-участником мер по предупреждению семейно-бытового насилия затрагивает женщин в большей степени, чем мужчин, что представляет собой нарушение статьи 1 Конвенции. Она утверждает, что государство-участник не считает семейно-бытовое насилие реальной и серьезной угрозой. Законодательство и практика государственных органов, включая судебную систему, не признают существования гендерного насилия и его последствий. Например, Закон об опеке над детьми и праве на общение (№ 361/1983), в соответствии с положениями которого было принято решение об опеке, не предусматривает никаких специальных мер по защите матерей и детей, ставших жертвами насилия в семье, даже несмотря на то, что в большинстве случаев жертвами такого насилия оказываются именно женщины и дети, а преступниками, как правило, являются мужчины. Этот Закон не применяется на практике таким образом, чтобы эффективно защищать жертв насилия в семье, о чем можно судить по данному делу.

3.2 Автор утверждает, что государство-участник не проявило должную осмотрительность в вопросе предоставления эффективной защиты от насилия и его последствий для нее и для ее ребенка. Государство-участник не приняло адекватных законодательных и политических мер, направленных на то, чтобы гарантировать права автора и ее ребенка и обеспечить им защиту от опасности продолжения насильственных действий, так как отец, склонный к насилию, был назначен единственным опекуном ребенка, который продолжает проживать с преступником. Автор далее утверждает, что решение суда о прекращении ее опеки над ребенком нарушает ее права человека и подвергает ее серьезной дискриминации как женщину и как жертву насилия в семье, поскольку Й. А. неоднократно и в присутствии ребенка применял к ней силу, а по результатам разбирательства уголовного дела позднее был признан судом виновным в одном из

таких нападений. Автор заявляет, что она и ее сын являются жертвами дискриминации по признаку пола, поскольку государство-участник не обеспечило защиту равенства ее прав в браке и при его расторжении, а также защиту ее родительских прав с учетом в максимальной степени интересов ее сына (право опеки, выбора места жительства и право общения). Эти действия и упущения со стороны государства-участника представляют собой нарушение положений статей 1, 2 а), с), d) и f), 15 (пункт 1) и 16 (пункт 1 d), e) и f) Конвенции.

3.3 По утверждению автора, закон и практика его применения органами власти не признают многие формы насилия в отношении женщин, что порождает их неравенство с мужчинами и является причиной отсутствия защиты материнства; кроме того, в государстве-участнике отсутствует эффективная система оказания помощи жертвам бытового насилия. Жертвы часто не обращаются за защитой в органы власти: отчасти из-за боязни общественного осуждения (стигматизации) и негативной реакции общества в целом. Во многих же случаях, когда они ищут защиты, власти не предоставляют им адекватную защиту. Автор также опасалась стигматизации и стыдилась нападений. Когда же она наконец обратилась за помощью в связи с насилием, защиту ей не обеспечили, даже несмотря на то, что органы власти знали об этих проявлениях насилия на протяжении длительного времени, по крайней мере с конца 2011 года. Вместо этого органы опеки и попечительства раз за разом квалифицировали насильственные действия как разногласия между (равными) партнерами. Помимо прямых последствий постоянных насильственных действий для благополучия автора (в том числе, нервозности и повышенной возбудимости) власти еще и поставили под сомнение ее психическое здоровье. Несмотря на то, что в 2012 и 2013 годах несколько врачей заявляли об отсутствии у автора психических заболеваний и о нормальном состоянии ее психики, органы государственной власти и суды по крайней мере отчасти приняли на веру заявления Й. А. о ее «нестабильности».

Замечания государства-участника относительно приемлемости сообщения

4.1 26 июля 2016 года государство-участник обратилось в Комитет с ходатайством об оценке приемлемости сообщения отдельно от его рассмотрения по существу. Это ходатайство не было удовлетворено.

4.2 Государство-участник утверждает, что 13 мая 2015 года, после того как рассмотрение исходного дела в Верховном суде было прекращено, автор инициировала новое разбирательство в окружном суде Варсинайс-Суоми, требуя установить режим совместной опеки над ребенком, обеспечить его проживание поочередно у обоих разведенных родителей или, в противном случае, обеспечить расширение своих прав общения. 9 июня 2016 года окружной суд удовлетворил ходатайство автора о расширении ее права общения и отклонил все другие ходатайства. 8 июля 2016 года автор обратилась в Апелляционный суд. Это расследование еще продолжается, а на момент представления сообщения оно шло немногим более двух лет: этот срок нельзя считать неоправданно затянутым. Кроме того, заявления о гендерном насилии, содержащиеся в сообщении, не были поданы в национальные органы власти.

4.3 Государство-участник полагает, что автор не имеет никаких оснований представлять сообщение от имени своего сына, находящегося под опекой Й. А., которого не уведомили о разбирательстве в Комитете. Оно утверждает, что доводы, представленные автором, не являются достаточными и не отвечают требованиям статьи 2 Факультативного протокола и правила 68 правил процедуры Комитета.

4.4 В отношении утверждений по существу государство-участник заявляет об их беспочвенности и, следовательно, о необходимости признания жалобы неприемлемой *ratione materiae*. Оно заявляет, что, согласно имеющейся информации, в отношении благополучия Е. А. было подано 51 уведомление, из них 29 были поданы автором, 3 — отцом ребенка и остальные — органами государственной власти. Кроме того, государство-участник заявляет, что власти отреагировали на все уведомления должным образом, обеспечив различными способами безопасность и благополучие ребенка. Оно подчеркивает, что из решения окружного суда от 9 июня 2016 года следует, что содержание и тон сообщений в уведомлениях, поданных автором, свидетельствуют о ее намерении добиться изменения предыдущего решения по существу. Суд отметил, что большинство уведомлений, поступивших от автора, были признаны беспочвенными.

4.5 Кроме того, государство-участник утверждает, что смысл настоящего сообщения состоит лишь в том, чтобы оспорить законную оценку национальными судами вопроса опеки над ребенком. В связи с этим автор пытается использовать Комитет в качестве четвертой инстанции.

4.6 В отношении охранного судебного приказа, изданного 16 апреля 2014 года в отношении ребенка автора, государство-участник отмечает, что автор не подавала административным властям апелляцию по этому решению, вынесенному в соответствии с Законом о благосостоянии ребенка (№ 417/2007) и Законом об административном судопроизводстве (№ 586/1996).

4.7 Государство-участник утверждает, что интересы Е. А. учитывались в максимальной степени на всех этапах разбирательства, в соответствии с национальным законодательством². В этой связи государство-участник ссылается на тот факт, что равенство между мужчинами и женщинами гарантируется в соответствии с Законом о равенстве женщин и мужчин (№ 609/1986), который является одним из важнейших элементов законодательства, удовлетворяющего требованиям Конвенции и получившего дальнейшее развитие в соответствии с законодательными актами Европейского союза и с Уголовным кодексом. Решения национальных судов по делу автора свидетельствуют о том, что при рассмотрении вопросов опеки, проживания ребенка и права общения были приняты во внимание факты насильственных действий, совершенных как автором сообщения, так и ее партнером.

4.8 Государство-участник добавляет, что его законодательство находится в процессе постоянного совершенствования с целью обеспечения эффективной защиты детей, что подтверждается принятием Закона о социальном обеспечении (№ 1301/2014) и нового плана действий правительства по достижению гендерного равенства на период 2016–2019 годов: этот план был принят в мае 2016 года и содержит около 30 мер: приоритетными среди них являются те, которые касаются вопросов насилия в отношении женщин и насилия со стороны партнеров, состоящих в интимной связи. Далее государство-участник отмечает, что оно ратифицировало Конвенцию Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием, вступившую в силу 1 августа 2015 года. С помощью законодательных и других мер государство-участник стремится обеспечить практическое осуществление политики максимальной защиты интересов ребенка. Соблюдению этого принципа неизменно придается первостепенное значение.

² Закон об опеке над детьми и о праве общения, а также Закон о благополучии ребенка.

4.9 Государство-участник считает, что утверждения автора об отсутствии действующего национального законодательства, направленного на защиту ее интересов и интересов ее ребенка, являются явно необоснованными в соответствии со статьей 4 (пункт 2 с)) Факультативного протокола. В связи с этим оно утверждает, что, исходя из вышеизложенного, нарушения статей 1, 2 а), с), d) и f), 15 (пункт 1) и 16 (пункт 1 d) и f)) Конвенции в данном случае отсутствуют.

Замечания государства-участника по существу сообщения

5.1 28 ноября 2016 года государство-участник представило свои комментарии по существу сообщения.

5.2 Подтверждая свои замечания о приемлемости и оспаривая все утверждения автора, даже в тех случаях, когда конкретных замечаний представлено не было, государство-участник утверждает, в частности, что 7 сентября 2016 года было предоставлено разрешение на подачу апелляции в Апелляционный суд и что апелляция находится на рассмотрении.

5.3 Государство-участник ссылается на законодательные положения о равенстве, содержащиеся в главе 2 (статья 6) Конституции, и в разделах 1 и 4 Закона о равенстве между мужчинами и женщинами, которые включают подробные указания относительно ликвидации дискриминации, защиты основных прав и позитивного обязательства по систематическому поощрению равенства.

5.4 Специально упоминая утверждения автора, касающиеся: дискриминации, в том числе неспособности государства-участника защитить ее саму и ее сына от семейно-бытового насилия; отсутствия должной осмотрительности и своевременного расследования; неспособности принять достаточные законодательные меры и полицейские процедуры; неспособности признать в законодательном порядке насилие в отношении женщин и обеспечить им защиту; неспособности обеспечить профессиональную подготовку для сотрудников правоохранительных органов; неспособности защитить в приоритетном порядке здоровье жертв, а также касающиеся практики фактического наказания жертв, — государство-участник заявляет, что они носят расплывчатый, общий характер, а также не находят подтверждения и не имеют отношения к конкретным обстоятельствам дела автора. Далее государство-участник утверждает, что автор не смогла продемонстрировать, каким образом были нарушены ее права в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола.

5.5 Государство-участник утверждает, что жалоба автора основана на ее несогласии с выводом, сделанным национальными органами власти по ее делу, и что она просто использует Комитет в качестве четвертой инстанции, чтобы пересмотреть факты и свидетельства по ее делу.

5.6 В отношении заявления автора о неспособности полиции расследовать ее жалобы государство-участник утверждает, что автор подала три заявления о совершении Й. А. уголовных преступлений: 3 марта, 20 июля и 18 ноября 2015 года, — и отмечает, что 23 августа 2016 года полиция распорядилась, чтобы его привели на допрос.

5.7 В отношении срочного охранного судебного приказа, выписанного в отношении ребенка 16 апреля 2012 года, государство-участник заявляет, что сотрудник службы экстренной помощи в тот же день известил орган опеки и попечительства о сложившейся ситуации; кроме того, ребенок был срочно помещен в центр экстренной помощи, поскольку имелись основания полагать, что его благополучие находится под большой угрозой, так как в отношениях между его родителями присутствуют проявления насилия. Власти проинформировали автора об этом решении 16 апреля 2012 года в 22 часа 30 минут, и в ходе этого разговора

она угрожала убить Й. А. Второго мая 2012 года дальнейшее пребывание ребенка в центре экстренной помощи было признано нецелесообразным в силу прекращения действия тех факторов, на основании которых он был помещен в это учреждение. Государство-участник утверждает, что ребенок был помещен в центр экстренной помощи в целях максимального соблюдения его интересов, и как только позволили обстоятельства, действие этого решения было прекращено. Кроме того, автор не подавала апелляцию по решению от 16 апреля 2012 года.

5.8 В отношении утверждений автора о невозможности попасть в приют для женщин государство-участник утверждает, что, согласно имеющейся информации, на самом деле автор и ее ребенок были помещены в приют по ее просьбе. Оно заявляет об очень серьезном отношении к политике предоставления убежища для тех, кто в нем нуждается: эта политика действовала и постоянно развивалась начиная с 1970-х годов. Кроме того, государство-участник отмечает, что с середины 1990-х годов действуют специальные программы, направленные на снижение уровня насилия в отношении женщин; последним по времени был принят план действий по сокращению масштабов насилия в отношении женщин, охватывающий период 2010–2015 годов: его целью является распространение междисциплинарной системы оценки рисков на ряд муниципалитетов. Государство-участник также заявляет, что Закон о государственной компенсации производителям услуг по предоставлению убежища (№ 1354/2014), вступивший в силу 1 января 2015 года, перевел вопрос финансирования приютов из ведения местных органов власти в зону ответственности государства. Кроме того, этот закон предусматривает количественную оценку персонала и услуг, которая включает психосоциальную поддержку, консультирование и руководство. Все услуги предоставляются бесплатно и доступны во всех регионах для мужчин, женщин и детей в соответствии с их потребностями.

5.9 В отношении жалоб автора по поводу того, что с 30 октября 2013 года ее сын не имел возможности посещать детский сад, государство-участник отмечает, что, согласно разделу 4 Закона об опеке над детьми и о праве общения, лицо, осуществляющее опеку, имеет право принимать решения в отношении ухода за ребенком, его воспитания, места проживания и иных личных вопросов. Государство-участник утверждает, что, согласно информации, имеющейся в его распоряжении, ребенок автора посещает детский сад с 1 июня 2016 года.

Комментарии автора сообщения по поводу замечаний государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения

6.1 4 января 2017 года автор представила свои комментарии по поводу замечаний государства-участника. Она не согласна с утверждением о том, что она не исчерпала внутренние средства правовой защиты. Государство-участник подтверждает, что первое разбирательство по опеке над ребенком завершилось 10 ноября 2014 года; тогда Верховный суд отказал автору в праве на подачу апелляции, и решение Апелляционного суда стало окончательным. Таким образом, пытаясь защитить себя и своего ребенка в споре об опеке, автор исчерпала все имеющиеся средства правовой защиты на национальном уровне. Требование признать сообщение автора приемлемым основывается не на том, что она несколько раз пыталась воспользоваться всеми возможностями национального судопроизводства, поскольку очевидно, что дискриминационное и стереотипное отношение национальных судов не меняется при повторном рассмотрении дела в том же суде или судах. Кроме того, автор исчерпала все доступные ей средства защиты, относящиеся к уголовному праву, в соответствии с нормами которого 19 февраля 2014 года Й. А. был осужден за нападение на нее. Й. А. был приговорен к уплате штрафа в размере 240 евро и к выплате автору компенсации в

размере 200 евро за причиненную боль и 800 евро за причинение ущерба внешности. Это решение, хотя и окончательное, не обеспечило никакой защиты ни ей самой, ни ее сыну, а Й. А. так и не выплатил ей присужденную компенсацию.

6.2 Автор вновь заявляет о том, что она и ее сын, являясь жертвами семейно-бытового насилия, подверглись дискриминации в ходе первого судебного разбирательства по вопросу об опеке над ребенком. Она подтверждает, что инициировала второе слушание, чтобы обеспечить защиту ребенку, и что дело находится на рассмотрении в Апелляционном суде. Учитывая, что ребенок продолжает страдать, она утверждает, что закон обязывает ее как одного из родителей добиваться защиты его интересов вне зависимости от имевшего место бездействия государственных органов и от их неспособности обеспечить ребенку защиту. Однако последние разбирательства не являются предметом настоящего сообщения.

6.3 Автор не согласна с утверждением о том, что она не обращалась за рассмотрением своих вопросов в национальные суды. Она информировала их о неоднократных и жестоких насильственных действиях, которым подвергалась со стороны Й. А. в присутствии ребенка. В ходе разбирательства в Апелляционном суде, при решении вопроса об опеке, в качестве письменной улики был представлен обвинительный приговор от 19 февраля 2014 года, вынесенный в отношении Й. А. за нападение на автора сообщения. При этом было сказано, что постоянное насилие в отношении другого родителя в присутствии ребенка доказывает, что тот из родителей, который склонен к подобным нарушениям, не является подходящим кандидатом для исполнения обязанностей по опеке над ребенком.

6.4 Автор утверждает, что она также заявляла в национальных судах о том, что при оценке ситуации с максимально возможным учетом интересов ребенка принятые в 2012 году решения о помещении Е. А. в отделение экстренной помощи вследствие проявления насилия по отношению к ней со стороны Й. А. следует рассматривать как доказательство недостаточности его родительских навыков и неприемлемого поведения. Его нападения на автора, происходившие еще в то время, когда они жили вместе, уже оказали серьезное негативное воздействие на Е. А., которого из-за действий отца помещали в центр альтернативного ухода и разлучали с родителями на несколько недель в возрасте 8, а затем 15 месяцев. Это свидетельствует о том, что действия Й. А. были и остаются пагубными для ребенка. Кроме того, автор утверждает, что после каждого помещения в центр содержания в экстренных ситуациях ребенка возвращали ей, а не отцу, и это свидетельствует о том, что Й. А. не является надежным родителем, способным обеспечить безопасные условия для стабильного развития ребенка. В этой связи она должна получить право опеки над ребенком, а Й. А. должно быть предоставлено право общения. Кроме того, автор утверждает, что всегда хорошо заботилась о Е. А., и Й. А. признал это в ходе судебного разбирательства. Она заявляет, что при вынесении судебных решений эти факты и доказательства не были учтены недискриминационным образом.

6.5 Отмечая заявление государства-участника о том, что, согласно решению окружного суда Варсинайс-Суоми от 9 июня 2016 года, содержание и тон утверждений, содержащихся в уведомлениях и электронных обращениях, направленных автором в органы опеки, свидетельствуют о ее намерении изменить (ранее вынесенное) судебное решение по существу, автор заявляет, что этот же окружной суд в своем предыдущем решении проявил очевидную дискриминацию в отношении ее самой и ребенка как жертв семейно-бытового насилия и ни в какой мере не принял во внимание проявления бытового насилия по отношению к ней со стороны Й. А. Суд относится к ней с предубеждением; также представляется

очевидным, что суды имеют обыкновение отстаивать правоту решений, принятых ими ранее. Заявление суда о ее мотивации для проведения второго слушания по вопросу опеки выражает его мнение, а не излагает факты. Автор инициировала судебное разбирательство и подала в органы опеки 29 заявлений для того, чтобы обеспечить защиту своему сыну. Поскольку суд ранее уже определил свою позицию, согласно которой мать должна быть лишена права опеки над ребенком, а доказанное семейно-бытовое насилие не является поводом для беспокойства, представляется очевидным, что, с точки зрения такого суда, проблему представляет родитель, поднимающий вопрос о домашнем насилии в отношении ребенка, а не само насилие.

6.6 В отношении приписываемого государством-участником окружному суду утверждения, согласно которому и автор сообщения, и отец ребенка признавались во взаимных насильственных действиях, автор настаивает на том, что она никогда не применяла насилия в отношении Й. А., равно как и не признавалась в этом. Кроме того, ее даже никогда не подозревали в подобных действиях, а Й. А. не представлял в суде никаких доказательств, подтверждающих предполагаемое насилие с ее стороны. Она напоминает о том, что Й. А., являвшийся подозреваемым в уголовном расследовании, не был обязан говорить правду ни в суде, ни в ходе расследования, и, разумеется, в его интересах было бы заявить об ответных насильственных действиях с ее стороны. Однако Й. А. никогда не заявлял в полицию о подобных действиях автора и не представлял соответствующих свидетельств. Автор заявляет, что бездоказательные утверждения Й. А., повторенные государством-участником, являются клеветническими и что утверждений, не подкрепленных доказательствами, недостаточно для того, чтобы считать доказанным проявление насилия со стороны обоих родителей.

6.7 Автор утверждает, что суды не приняли во внимание тот факт, что в этом деле присутствовало семейно-бытовое насилие, имевшее серьезные последствия для жертв — для матери и для сына. В ряде случаев бытовое насилие имело место в течение длительного периода, в результате чего в 2012 году ребенка дважды экстренно помещали в учреждение альтернативного ухода, а 16 апреля 2012 года автор сообщения была госпитализирована после серьезного нападения, и в 2014 году в отношении Й. А. был вынесен обвинительный приговор по факту нападения. Однако большинство случаев проявления насилия остались безнаказанными. Автор ссылается на инцидент, в ходе которого Й. А. ударил ее по голове буровым наконечником, после чего их сын был помещен в центр временной опеки.

6.8 Таким образом, автор утверждает, что при принятии решения относительно опеки над Е. А., места его проживания и права общения с ним характер насилия в семье не был в должной мере принят во внимание и что органы власти не провели эффективное расследование всех фактов применения насилия и не нашли противодействия таким проявлениям. Как утверждает государство-участник, автор представила в органы опеки 29 обращений, касающихся ее сына. Государство-участник также утверждает, что до июля 2016 года другими сторонами, лицами и органами в общей сложности в органы опеки и попечительства было подано 19 обращений, касающихся сына автора. Такое количество обращений вызывает серьезную озабоченность и свидетельствует о том, что автор не является единственной стороной, проявляющей беспокойство по поводу безопасности и благополучия этого ребенка. Эти обращения не были тщательно рассмотрены, а полицейское расследование было прекращено без заслушивания ребенка и свидетелей; экспертиза физического и психологического состояния ребенка также не проводилась. Со стороны государства-участника этому вопросу не было уделено должного внимания, несмотря на то, что 26 мая 2016 года Комитет подал ходатайство о принятии временных мер. Это привело к тому, что в период

с 5 по 15 декабря 2016 года Й. А. совершил жестокое нападение, жертвой которого был признан ребенок. Об этом нападении органам опеки и попечительства сообщили мать ребенка и фельдшер-психиатр из медицинского центра города Лоймаа. Расследование по их сообщениям не проводилось. По свидетельствам Е. А., случаи проявления насилия имели место также 9 и 22 апреля 2017 года, когда его хватили за шею и таскали за волосы. Расследование этих случаев не проводилось, несмотря на беспокойство, выраженное врачом, и на заявления об уголовных преступлениях, поданные в органы опеки и попечительства. Е. А. остается без защиты, даже несмотря на ходатайство Комитета о принятии временных мер. Местные власти отрицают, что им что-либо известно об этом ходатайстве.

6.9 Автор утверждает, что представила сообщение в том числе и от имени своего сына, чтобы обеспечить ему защиту. Сама она в настоящее время находится в безопасности в своем доме, поскольку смогла разбежаться с Й. А. и тем самым в значительной мере положить конец нападениям на нее. В соответствии с правовой практикой органов по правам человека биологическая мать имеет право представлять своего ребенка, если жалоба подается с целью его защиты. В случае когда родитель, являющийся единственным опекуном ребенка, осуждается за нападение на другого родителя, в данной ситуации на автора сообщения, представляется очевидным, что, в целях максимально полного соблюдения интересов ребенка, второму родителю, лишенному права опеки, но не склонному к насилию, должно быть позволено представлять своего ребенка в ходе международного расследования. Позиция государства-участника, решительно отказывающего биологической матери, ставшей жертвой семейно-бытового насилия, в праве защищать собственного ребенка, четко отражает сложившееся в Финляндии традиционное отношение, основанное на грубой дискриминации женщин, на непризнании семейно-бытового насилия проблемой и на отсутствии защиты прав жертв насилия в семье.

6.10 Автор не согласна с утверждением о том, что она желает использовать процедуру представления сообщений в качестве четвертой инстанции. Она прибегает к процедуре представления сообщений как к доступному для нее средству, поскольку она и ее сын, являясь жертвами семейно-бытового насилия, подверглись дискриминации в национальных судах и со стороны органов власти. Они не получили эффективной защиты в национальных гражданских и уголовных разбирательствах, вопреки требованиям национального законодательства и Конвенции. Государство-участник ратифицировало Конвенцию и Факультативный протокол к ней; следовательно, положения Конвенции должны применяться при рассмотрении всех дел — и гражданских, и уголовных, — касающихся проявлений семейно-бытового насилия в государстве-участнике. Комитету следует рассмотреть это дело, поскольку очевидно, что решения судов носят произвольный характер и представляют собой отказ в правосудии.

6.11 Автор также утверждает, что в своей общей рекомендации № 19 (1992) о насилии в отношении женщин Комитет определяет гендерное насилие как одну из форм дискриминации по смыслу статьи 1 Конвенции. Государства-участники берут на себя обязательство проявлять должную осмотрительность, чтобы принять все надлежащие меры для предотвращения и расследования случаев гендерного насилия, совершаемого негосударственными субъектами, для наказания виновных и предоставления возмещения жертвам и потерпевшим. По мнению Комитета, государственные должностные лица должны выполнять это обязательство, поскольку женщинам следует практически обеспечить подлинное равенство и защиту от насилия. Это обязательство подразумевает расследование

сбоев, случаев пренебрежения или упущений со стороны органов государственной власти, в результате которых жертвы могут оказаться лишены защиты перед лицом такого насилия.

6.12 В деле «Гонсалес Карреньо против Испании» Комитет подтвердил, что решения об установлении опеки над ребенком и о праве общения с ним должны основываться на соблюдении наилучших интересов ребенка, а не на стереотипах, причем семейно-бытовое насилие должно учитываться как значимый фактор; Комитет также подчеркнул, что стереотипы затрагивают право женщин на беспристрастное судебное разбирательство и что судебные органы должны избегать формирования жестких стандартов на основе предвзятых представлений о том, что является семейно-бытовым насилием³. В этом деле Комитет пришел к выводу о том, что решение о предоставлении отцу права на свидания без надзора было основано на стереотипах в отношении семейно-бытового насилия, которые сводят к минимуму неправомерность поведения мужчины и отдают приоритет его (мужским) интересам перед безопасностью матери и ребенка; также в решении не был учтен долгосрочный характер проявлений насилия в семье и не были прописаны необходимые гарантии безопасности. Точно так же в данном деле суды не приняли во внимание долгосрочный характер проявления насилия в этой семье и не прописали необходимые гарантии защиты прав ребенка после расставания его родителей. Это привело к возникновению ситуации, в которой Е. А. на протяжении трех лет, начиная с октября 2013 года, жаловался на то, что отец его обижает. Последнее жестокое нападение Й. А. на Е. А., как сам Е. А. сообщил матери, произошло в период с 5 по 15 декабря 2016 года. Государство-участник проигнорировало даже ходатайство о принятии временных мер, направленное Комитетом 26 мая 2016 года для защиты Е. А. Оно не приняло никаких мер для защиты ребенка, а полиция завершила расследование без проведения экспертизы и без заслушивания ребенка и свидетелей.

6.13 Автор подчеркивает, что в тех случаях, когда имеются свидетельства систематических проявлений насилия в отношении женщин, а также в тех случаях, когда масштабы насилия в отношении женщин оказываются непомерно высокими, свидетельством чему является высокий уровень семейно-бытового насилия в Финляндии, представляется очевидным, что государство знает или должно знать о рисках, с которыми сталкиваются женщины, обратившиеся с жалобами на насилие со стороны своих партнеров или бывших партнеров. Следовательно, со стороны государства-участника неприемлемо утверждение о том, что опасность, с которой сталкиваются автор сообщения и ее сын, незначительна или что это дело совершенно необоснованно, при том что Й. А. был признан виновным в нападении на автора. Автор утверждает, что для исполнения государством обязанности проявлять должную осмотрительность недостаточно принять соответствующие законы: эти законы должны применяться. В Финляндии, несмотря на принятие законодательных мер, государство по-прежнему проявляет небрежность в деле защиты женщин и несовершеннолетних от семейно-бытового насилия. Закон также имеет недостатки в части защиты несовершеннолетних, живущих в обстановке насилия и, следовательно, также являющихся жертвами насилия.

³ CEDAW/C/58/D/47/2012, пункт 9.7.

6.14 Автор отмечает, что в деле «Гонсалес Карреньо против Испании» Комитет напомнил о том, «что в вопросах попечительства над детьми и прав на свидание приоритет интересов ребенка имеет первостепенное значение и что при принятии соответствующих решений национальные органы обязаны учитывать наличие контекста насилия в семье»⁴. Комитет также счел, что «первоначально действия органов власти государства-участника были направлены на защиту несовершеннолетней, исходя из контекста насилия в семье. Однако разрешение на свидания без надзора было предоставлено без соблюдения необходимых предосторожностей и без учета того, что характер насилия, определявший семейные отношения на протяжении ряда лет, что не оспаривается государством-участником, не изменился»⁵. В настоящем деле национальные суды даже не рассмотрели вероятность того, что свидания с Й. А. должны проходить под надзором. Вместо этого они назначили его единоличным опекуном ребенка, отказав в опеке матери, жертве семейного насилия. Суды должны *ex officio* отвечать за оценку необходимости надзора при свиданиях в тех случаях, когда имеет место семейное насилие, так как самостоятельное ходатайство о таком решении может быть небезопасным для жертвы. Такой запрос со стороны жертвы в ходе судебного разбирательства может поставить под угрозу ее здоровье и даже жизнь, спровоцировав правонарушителя на новые насильственные действия.

6.15 Комитет напомнил о том, что в соответствии со статьей 2 а) Конвенции государства-участники обязаны обеспечить с помощью закона и других соответствующих средств практическое осуществление принципа равенства мужчин и женщин и что в соответствии со статьями 2 f) и 5 а) государства-участники обязаны принимать все соответствующие меры для изменения или отмены не только действующих законов и положений, но и обычаев и практик, которые составляют дискриминацию в отношении женщин. Кроме того, в соответствии со статьей 16 (пункт 1) государства-участники берут на себя обязательство принимать все соответствующие меры для ликвидации дискриминации в отношении женщин во всех вопросах, касающихся брака и семейных отношений. В этой связи Комитет подчеркивает, что следование стереотипам затрагивает право женщин на справедливое судебное разбирательство и что судебные органы должны избегать формирования жестких стандартов на основе предвзятых представлений о том, что является семейно-бытовым или гендерным насилием⁶.

6.16 Автор признает, что государство-участник приняло некоторые общие меры по борьбе с насилием в семье, в том числе меры в области законодательства и повышения информированности. Однако обучение государственных должностных лиц, судебных и социальных работников было недостаточным, и они по-прежнему не осведомлены о понятии бытового насилия, о его влиянии на иерархические отношения в семье и о его последствиях для жертв. В равной мере этим должностным лицам недостает осведомленности о международных конвенциях о правах человека, ратифицированных государством-участником. Напротив, они продолжают применять пагубные традиционные подходы, отражающие доминирование мужчин и фактически одобряющие семейно-бытовое насилие со стороны мужчин. Для того чтобы женщина, ставшая жертвой бытового насилия, могла на практике воспользоваться принципом равенства мужчин и женщин, а также своими правами человека и основными свободами, политическая воля, которая нашла выражение в законодательстве, должна поддерживаться всеми государственными субъектами, участвующими в исполнении взя-

⁴ Там же, пункт 9.4.

⁵ Там же, пункт 9.5.

⁶ См. «В. К. против Болгарии» (CEDAW/C/49/D/20/2008), пункт 9.11.

тых государством-участником обязательств по соблюдению должной осмотрительности⁷. В своем ответе государство-участник заявляет, что Й. А. утверждал, что оба родителя применяли насилие в отношении друг друга. Однако доказательства, содержащиеся в деле об опеке и в судебном процессе по уголовному делу, свидетельствуют об обратном. Автора даже не подозревают ни в каком нападении на Й. А., тогда как последний был осужден за нападение на нее. Таким образом, представленные автором четкие доказательства одностороннего бытового насилия, совершавшегося Й. А. в ее отношении в присутствии их ребенка, были проигнорированы судами, рассматривавшими дело об установлении опеки, о выборе места жительства ребенка и о предоставлении права общения с ним. Таким образом, к убедительным свидетельствам автора отнеслись с меньшим уважением и придали им меньшее значение, чем показаниям Й. А., что представляет собой дискриминацию против нее в соответствии со статьей 15 Конвенции.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости сообщения

7.1 В соответствии с правилом 64 своих правил процедуры Комитету надлежит принять решение о том, является ли сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу. В соответствии с правилом 72 (пункт 4) Комитет должен решить этот вопрос до рассмотрения сообщения по существу.

7.2 В соответствии с положениями статьи 4 (пункт 2 а)) Факультативного протокола Комитет удостоверился в том, что этот вопрос не рассматривался и не рассматривается в рамках другой процедуры международного разбирательства или урегулирования.

7.3 Комитет принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что автор не исчерпала внутренние средства правовой защиты, поскольку оно заявляет, что апелляция по решению от 9 июня 2016 года все еще находится на рассмотрении, что автор сообщения не заявляла в национальных органах власти о гендерном насилии и что она не оспаривала охранный судебный приказ о чрезвычайных мерах защиты в отношении ее ребенка. Комитет отмечает, что право опеки над ребенком автора было предоставлено его отцу 14 октября 2013 года, что 11 июня 2014 года автор оспорила это решение в Апелляционном суде Турку, который его поддержал, и что 10 ноября 2014 года автору было отказано в разрешении на подачу апелляции в Верховный суд. Автор утверждает, что в ходе первой серии разбирательств, результаты которых она оспаривает в Комитете, она поставила перед национальными органами власти вплоть до высшей судебной инстанции существенные вопросы, в том числе касающиеся семейно-бытового насилия. Кроме того, в письме от 23 ноября 2017 года автор сообщения проинформировала Комитет о том, что вторая серия разбирательств в отношении решения от 9 июня 2016 года была прекращена по причине получения ею юридической консультации о бесполезности попыток вновь поднять те вопросы, которые ранее рассматривались теми же судами, — учитывая недостатки, присущие подходу суда к делам об установлении опеки.

7.4 Комитет отмечает, что автор последовательно оспаривает решение об опеке над ребенком уже более четырех лет. С учетом обеспокоенности в отношении первой серии разбирательств, в том числе в отношении подтверждения решения об опеке после того, как Й. А. был осужден за насильственное нападение на автора сообщения, без какой-либо оценки его пригодности для единоличной опеки над ребенком; неспособности полиции провести расследование или

⁷ См. «Гёкче против Австрии» (CEDAW/C/39/D/5/2005), пункт 12.1.2.

начать разбирательство в случаях новых проявлений насилия уже после развода; того факта, что второе разбирательство было начато после того, как сообщение было передано в Комитет; того факта, что эти процессуальные действия были основаны на тех же вопросах, что и первое разбирательство, касавшееся права на опеку; и того факта, что автор передала все вопросы, которые находятся на рассмотрении Комитета, в том числе в отношении семейно-бытового насилия, в Верховный суд и сочла необходимым провести вторую серию одинаковых судебных разбирательств лишь в целях защиты ее сына от ущерба, который ему могут нанести ввиду повторного неисполнения государством-участником ходатайства Комитета о применении временных мер, — Комитет приходит к выводу, что на национальном уровне средства решения вопросов, поднимаемых в сообщении, были исчерпаны, и потому не считает, что требования статьи 4 (пункт 1) Факультативного протокола ограничивают его право рассмотреть это дело по существу. Комитет не считает необходимым рассматривать вопрос о том, имели ли место исчерпание всех возможностей во второй серии разбирательств.

7.5 Комитет отмечает другие аргументы государства-участника, касающиеся того, что автор не имеет оснований подавать жалобу от имени своего ребенка и не объяснила причин подачи такой жалобы, что она просит Комитет действовать в качестве четвертой инстанции и провести переоценку фактов и доказательств по делу и что ее жалобы являются неприемлемыми *ratione materiae*, поскольку аргументы, содержащиеся в большинстве из них, были опровергнуты. Он также принимает к сведению позицию автора, согласно которой, являясь матерью ребенка, она имеет право подать иск о его защите, особенно с учетом того, что это было сделано в связи с насилием со стороны Й. А. в отношении ее самой и ребенка и что ее жалобы подтверждены осуждением Й. А. за нападение, и что она просит Комитет рассмотреть данное дело на основании того, что национальные органы власти дискриминировали ее и отказали ей в правосудии. Комитет считает, что претензии автора являются достаточно обоснованными и отвечают критериям приемлемости, что они входят в компетенцию Комитета по принятию решений, что она имеет право действовать от имени своего ребенка в вопросах, касающихся его безопасности, и что она ходатайствует о пересмотре национальных процессов не в целях оспаривания фактических выводов, сделанных лицами, принимавшими решения на национальном уровне, а на том основании, что ей было отказано в правосудии, а сама она стала жертвой дискриминации по признаку пола. В связи с этим Комитет не считает, что какие-либо критерии приемлемости препятствуют ему в том, чтобы рассмотреть этот вопрос, и приступает к его рассмотрению по существу.

Рассмотрение сообщения по существу

8.1 Комитет рассмотрел настоящее сообщение в свете всей информации, предоставленной ему автором и государством-участником, в соответствии с положениями статьи 9 (пункт 1) Факультативного протокола.

8.2 Перед Комитетом стоит вопрос о том, выполнило ли государство-участник свою обязанность проявлять должную осмотрительность в связи с защитой автора от домашнего насилия со стороны Й. А. и с расследованием случаев проявления такого насилия. Задача Комитета состоит в том, чтобы в свете положений Конвенции пересмотреть решения, принятые национальными органами власти в рамках их компетенции, и определить, принимали ли они во внимание при вынесении этих решений обязательства, вытекающие из Конвенции. Следовательно, в данном случае решающим фактором является выяснение того, применяли ли эти органы принципы должной осмотрительности и приняли ли они ра-

зумные меры для обеспечения защиты автора сообщения и ее сына от возможных рисков в условиях продолжающегося насилия в семье без дискриминации по признаку пола.

8.3 Комитет принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что оно имеет строгую и всеобъемлющую законодательную базу, призванную обеспечить равенство между мужчинами и женщинами и максимально защитить интересы ребенка, а также о том, что именно в рамках этого законодательства принимались решения о праве на опеку над Е. А. и на общение с ним. Комитет также принимает к сведению заявление государства-участника о том, что утверждения автора носят общий характер. Далее, Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что соответствующие законы существуют, но что де-факто лица, принимающие решения в национальных органах, и сотрудники правоохранительных органов не применяют их надлежащим образом: гендерные стереотипы влияют на то, какое значение придается показаниям жертв и лиц, находящихся в уязвимом положении, которыми часто оказываются женщины и дети, при сопоставлении этих показаний со словами лиц, совершающих преступления; кроме того, принимается к сведению заявление автора о том, что органы власти государства-участника не обеспечили защиту ей и ее сыну в силу гендерных стереотипов при принятии решений, основанных на принижении степени опасности насилия, исходящего от отца. Комитет считает, что замечания автора о национальном законодательстве и о практике его применения имеют отношение к ее личному делу.

8.4 Комитет с обеспокоенностью отмечает, что поданное им и затем повторенное ходатайство о принятии временных мер так и не было передано местным органам власти и что не было принято никаких мер для защиты Е. А. от предполагаемого насилия со стороны отца. Комитет напоминает, что временные меры, как это предусмотрено статьей 5 Факультативного протокола и правилом 63 его правил процедуры, имеют принципиальное значение для работы по индивидуальным сообщениям, представленным в соответствии с Факультативным протоколом. Пренебрежение этим правилом, особенно в форме непредоставления защиты женщинам и детям при существовании опасности нанесения им серьезного ущерба, что имело место в данном случае, препятствует защите предусмотренных Конвенцией прав с помощью Факультативного протокола.

8.5 Комитет отмечает, что окружной суд Варсинайс-Суоми поставил под сомнение психическое здоровье жертвы семейно-бытового насилия и ее враждебность по отношению к предполагаемому правонарушителю, но не усомнился в психической стабильности лица, обвиняемого в преступлениях, связанных с применением насилия, и не провел оценку его состояния, прежде чем предоставить ему право единоличной опеки над ребенком. Комитет отмечает, что практически сразу после принятия решения о передаче опеки прокурор выдвинул против Й. А. обвинение в нападении с применением насилия, однако две недели спустя Е. А. был передан отцу без проведения дополнительных проверок. Комитет также отмечает, что в связи с рассмотрением дела об опеке и о предоставлении права общения мать ребенка проходила психиатрическую экспертизу, которая не выявила никаких причин для беспокойства; при этом в отношении отца такая проверка не проводилась, несмотря на то что он был осужден по уголовному делу. Комитет также отмечает, что в итоговом решении по делу об опеке, принятом 14 октября 2013 года, практически или даже полностью отсутствует обоснование причин передачи опеки от матери к отцу ребенка; что ни в решении Апелляционного суда, ни в решении по ходатайству о разрешении на подачу апелляции в Верховный суд не объясняется, почему в процессе принятия этого решения вопросу о насилии в семье не придавалось первостепенного значения — даже после того, как в промежутке между расследованиями Й. А. был

осужден за нападение на автора сообщения; что по заявлениям, поданным в полицию, не были проведены расследования; и что, несмотря на ряд сообщений, полученных от органов опеки, и на обвинительный приговор, вынесенный отцу ребенка, не были проведены ни расследование, ни оценка его способности выполнять родительские обязанности. Комитет также убежден в том, что имело место нарушение обязательства проявлять должную осмотрительность, поскольку потребовалось больше года для того, чтобы Й. А. был доставлен на допрос в связи с жалобами на его преступное поведение⁸.

8.6 В этой связи Комитет ссылается на пункты 26 и 27 своей общей рекомендации № 33 (2015), касающейся доступа женщин к правосудию, в которых говорится следующее:

Часто судьи устанавливают жесткие требования в отношении того, что, по их мнению, является надлежащей нормой поведения для женщины, и подвергают наказанию тех, кто не соответствует этим стереотипам. Стереотипы также негативно сказываются на доверии к заявлениям женщин, к приводимым ими аргументам и свидетельским показаниям в качестве сторон и свидетелей в суде. Существование тех или иных стереотипов может стать причиной неверного толкования или применения законов судьями. Оно чревато серьезными последствиями, например в области уголовного права, где преступники могут в результате избежать предусмотренного законом наказания за нарушения прав женщин, что ведет к поощрению культуры безнаказанности. Во всех областях права стереотипы ставят под угрозу беспристрастность и добросовестность судебной системы, что, в свою очередь, может стать причиной судебных ошибок, включая повторную виктимизацию истца.

Судьи, магистраты и третейские судьи не являются единственными действующими лицами в системе правосудия, которые применяют, поддерживают и закрепляют стереотипы. Прокуроры, сотрудники правоохранительных органов и другие участники процесса часто находятся под влиянием стереотипов в ходе следствия и судебного разбирательства, особенно при рассмотрении дел, связанных с гендерным насилием; при этом такие стереотипы подчас дискредитируют аргументы потерпевшей стороны/жертвы и одновременно поддерживают доводы, выдвигаемые защитой обвиняемой стороны. В результате стереотипы могут определять ход расследования и судебного разбирательства, а также характер принимаемых судебных решений.

8.7 Комитет полагает, что слово «преобладающий», упоминаемое в статье 16 (пункт 1) d) и f)) Конвенции, означает, что наилучшие интересы ребенка не могут рассматриваться на равных основаниях с другими соображениями. Комитет также полагает, что для того, чтобы продемонстрировать соблюдение права ребенка на оценку его наилучших интересов и на придание им основного или преобладающего значения, любое решение, касающееся ребенка, должно быть взвешено, обосновано и разъяснено. Комитет отмечает, что несоблюдение государством-участником обязательства проявлять должную осмотрительность, выразившееся в отношении полиции и различных судов к жалобам автора, привело к нанесению ущерба наилучшим интересам Е. А. и к ущемлению его права на равное отношение к его матери в ходе рассмотрения вопроса об опеке в соответствии со статьей 16 Конвенции.

⁸ См. пункт 6.5 выше.

8.8 Комитет напоминает о своих общих рекомендациях № 19 и № 35 (2017) о гендерном насилии в отношении женщин, представляя новую редакцию общей рекомендации № 19, в соответствии с которой гендерное насилие, мешающее или вообще не позволяющее женщинам пользоваться правами человека и основными свободами в соответствии с общими нормами международного права или положениями конвенций о правах человека, является дискриминацией по смыслу статьи 1 Конвенции. В рамках обязательства проявлять должную осмотрительность государства-участники должны разрабатывать и осуществлять различные меры по борьбе с гендерным насилием в отношении женщин, совершаемым негосударственными субъектами, включая принятие законов и создание учреждений и системы для борьбы с таким насилием, а также обеспечение их реальной эффективности и поддержки со стороны всех государственных должностных лиц и органов, обеспечивающих надлежащее соблюдение законов. Права или требования преступников или подозреваемых в преступлениях в ходе и после судебного разбирательства, в том числе в отношении собственности, неприкосновенности частной жизни, опеки над детьми, права доступа, контактов и посещений, должны определяться с учетом прав женщин и детей на жизнь и на физическую, сексуальную и психологическую неприкосновенность; руководствоваться при этом следует принципом обеспечения наилучших интересов ребенка⁹. Если государство-участник не принимает все необходимые меры для предотвращения актов гендерного насилия в отношении женщин в тех случаях, когда его органы власти знают или должны знать о существовании риска такого насилия, или не проводит расследования, не привлекает к ответственности и не наказывает виновных и не возмещает ущерб жертвам и пострадавшим от таких действий, то оно тем самым дает молчаливое согласие на совершение актов гендерного насилия в отношении женщин или поощряет их. Такая пассивность и такое бездействие составляют нарушение прав человека¹⁰.

8.9 Комитет напоминает, что в соответствии со статьей 2 а) Конвенции государства-участники обязаны обеспечить с помощью закона и других соответствующих средств практическое осуществление принципа равноправия мужчин и женщин; в соответствии со статьей 2 е) они могут быть признаны ответственными за действия частных лиц, организаций или предприятий, если не выполняют своего обязательства проявлять должную осмотрительность; в соответствии со статьями 2 f) и 5 а) Конвенции государство-участник обязано принять все подходящие меры, чтобы изменить или отменить не только действующие законы и положения, но и обычаи и практику, которые составляют дискриминацию в отношении женщин. Кроме того, в соответствии со статьей 16 (пункт 1) государства-участники берут на себя обязательство принимать все соответствующие меры для ликвидации дискриминации в отношении женщин во всех вопросах, касающихся брака и семейных отношений. В этой связи Комитет подчеркивает, что стереотипы затрагивают право женщин на беспристрастность судебных процессов и что судебные органы не должны применять жесткие стандарты на основе предвзятых представлений о том, что следует считать насилием в семье. В данном случае Комитет считает, что при принятии решения об опеке над Е. А. органы власти действовали под влиянием стереотипных и, следовательно, дискриминационных представлений о семейно-бытовом насилии; это выразилось в том, что повторяющиеся факты одностороннего насилия со стороны Й. А. были расценены как разногласия между родителями с указанием на

⁹ См. «Йилдирим против Австрии» (CEDAW/C/39/D/6/2005); «Гёкче против Австрии» (CEDAW/C/39/D/5/2005); «Гонсалес Карреньо против Испании» (CEDAW/C/58/D/47/2012); «М.В. против Дании» (CEDAW/C/63/D/46/2012) и «Джаллоу против Болгарии» (CEDAW/C/52/D/32/2011).

¹⁰ См. Общую рекомендацию Комитета № 35, пункт 24 (подпункт 2) b)).

то, что оба родителя совершали насильственные действия; при этом нет никаких свидетельств в пользу такой трактовки, за исключением заявления, сделанного автором на следующий день после того, как она подверглась жестокому нападению; не придав значения уголовному приговору в отношении Й. А., органы власти возложили обязанности по опеке над ребенком на человека, склонного к насилию. Таким образом, органы власти не обеспечили должного контроля в соответствии с их обязательствами по статьям 2 а), с), d), e) и f), 15 а) и 16 (пункт 1) d) и f)) Конвенции.

8.10 Комитет с удовлетворением отмечает, что государство-участник взяло на вооружение модель борьбы с семейно-бытовым насилием, отличающуюся широким охватом и включающую меры законодательного характера, повышение уровня осведомленности, образование и наращивание потенциала. Тем не менее Комитет ссылается на проблемы, поднятые в его заключительных замечаниях к периодическому докладу, представленному ему государством-участником в 2014 году, в частности в связи с насилием в отношении женщин¹¹. Он отмечает, что для того чтобы женщина, ставшая жертвой бытового насилия, могла на практике воспользоваться принципом недискриминации и фактического равенства, а также осуществлять свои права человека и основные свободы, — политическая воля, которая нашла выражение в принятой модели, должна поддерживаться всеми государственными субъектами, участвующими в исполнении взятых государством-участником обязательств по соблюдению должной осмотрительности. К числу таких обязательств относится расследование сбоев, случаев пренебрежения и упущений со стороны органов государственной власти, в результате которых жертвы могут остаться без защиты. Комитет считает, что в данном случае это обязательство не было исполнено в отношении жалоб автора на Й. А., обращения с нею в судах, а также в отношении ходатайства Комитета о принятии временных мер.

9. Действуя на основании статьи 7 (пункт 3) Факультативного протокола и в свете изложенных выше соображений, Комитет считает, что государство-участник нарушило права автора сообщения и ее сына, предусмотренные статьями 2 а), с), d), e) и f), 15 а) и 16 (пункт 1) d) и f)) Конвенции, а также общей рекомендацией № 35 Комитета.

10. Комитет выносит государству-участнику следующие рекомендации:

- a) В отношении автора и ее сына:
 - i) В срочном порядке возобновить судебный процесс по вопросу об опеке над Е. А. и на этой основе провести тщательную оценку насильственных действий Й. А. с целью определения наилучших интересов ребенка, и согласовать дальнейшее предоставление автору юридической помощи.
 - ii) Предоставить автору надлежащее возмещение, включая полное возмещение ущерба пропорционально тяжести нарушения ее прав.
 - iii) Обеспечить выплату автору причитающихся сумм в рамках решения по уголовному делу в отношении Й. А. от 19 февраля 2014 года.
- b) Общие рекомендации:
 - i) Принять меры к тому, чтобы вопросу насилия в семье уделялось должное внимание при принятии решений об опеке над детьми.

¹¹ См. CEDAW/C/FIN/CO/7, пункт 18.

ii) Провести исчерпывающее и беспристрастное расследование с целью определить, имеются ли в системе государства-участника и в применяемой им практике структурные недостатки, по причине которых жертвы семейно-бытового насилия могут быть лишены защиты.

iii) Усилить применение правовой базы с целью добиться того, чтобы компетентные органы реагировали на ситуации, связанные с семейно-бытовым насилием, с должной осмотрительностью.

iv) Обеспечить обязательную профессиональную подготовку судей и административного персонала по вопросам применения нормативно-правовой базы в области борьбы с семейно-бытовым насилием, в том числе подготовку по вопросам определения бытового насилия и по гендерным стереотипам, а также подготовку по вопросам Конвенции, Факультативного протокола к ней и правовой практики Комитета, а также общих рекомендаций Комитета, в особенности общих рекомендаций № 19, 28, 33 и 35. В отношении повышения осведомленности и укрепления потенциала, среди прочего:

a. Устранить проблему недоверия к заявлениям, аргументам и свидетельствам женщин и недостаточного учета их значимости в тех случаях, когда женщины выступают в качестве сторон и свидетелей в суде.

b. Устранить проблемы, связанные со стандартами, применяемыми судьями и прокурорами, при оценке того, что, по их мнению, является надлежащим для женщин поведением.

v) Разработать и внедрить эффективный институциональный механизм координации, мониторинга и оценки мер, направленных на предупреждение и искоренение насилия в отношении женщин¹²; а также внедрить механизмы контроля для обеспечения того, чтобы правила доказывания, ведение расследования и другие судебные и квазисудебные процедуры были беспристрастными и не подвергались воздействию гендерных стереотипов или предрассудков.

11. В соответствии со статьей 7 (пункт 4) Факультативного протокола государство-участник должно надлежащим образом рассмотреть мнения Комитета, а также его рекомендации и в течение шести месяцев представить Комитету письменный ответ, в том числе любую информацию о мерах, принятых с учетом мнений и рекомендаций Комитета. Государству-участнику также надлежит опубликовать мнения и рекомендации Комитета и обеспечить их широкое распространение во всех соответствующих группах общества.

¹² См. CEDAW/C/FIN/CO/7, пункт 18 b).